

Текст · 19 февраля 2019, 12:09

Анастасия Ясеницкая,

«Сереженька, чаек-то будешь пить?». Как житель Иркутска сначала стал потерпевшим по делу о пытках в полиции, а потом его труп нашли в Ангаре

В Иркутске суд признал трех сотрудников МВД виновными в пытках местного жителя Сергея Стручинского. «Медиазона» рассказывает, как из свидетеля по делу об убийстве Стручинский превратился в потерпевшего по делу о пытках, а через полгода и сам был похищен и убит — родные говорят, что ему не раз угрожали обвиняемые полицейские.

Секс и смерть в бытовке. Версия следствия

Вечером 9 февраля 2015 года Галина Жданова переступила порог строительной бытовки на окраине Иркутска, в которой жил ее 43-летний сын Эдуард. Он не выходил на связь уже три дня, и Галина, беспокоясь, решила проведать сына. В тесном деревянном домике стояла духота от включенного обогревателя, на полу валялся мусор, а по комнате распространялся тошнотворный запах — вероятно, сын опять с кем-то выпивал, подумала она.

Галина заметила лежащего на кровати Эдуарда, отругала его за беспорядок, но он ничего не ответил. Тогда она подошла поближе и увидела, что тело сына раздулось и покрыто синими трупными пятнами.

В тот же день Следственный комитет возбудил дело об убийстве (часть 1 статьи 105 УК). Через два дня, 11 февраля, полицейские задержали 26-летнего местного жителя Антона Фролова, который не раз выпивал в компании Жданова. Вечером он написал чистосердечное признание, в котором рассказал, что зарезал Жданова, когда тот попытался его изнасиловать. Суд отправил молодого человека в СИЗО.

В показаниях Антона Фролова, которые он давал во время следствия и суда, в деталях описана история его соращения Эдуардом Ждановым. Согласно этим документам, ранее судимый шиномонтажник Фролов познакомился с ранее судимым грузчиком Ждановым в ноябре 2014 года. Время от времени они вместе выпивали.

Однажды, утверждается в протоколах допросов, Эдуард спросил Антона, имел ли тот когда-нибудь «интимную связь» с мужчиной. Тот ответил отрицательно, и разговор закончился. На следующий день Жданов пришел помыться к Фролову, который жил в общежитии через дорогу от его бытовки, и спросил, «хочет ли он попробовать обычный секс, то есть он должен был ввести свой половой член Жданову в анальное отверстие». Тот попробовал, но не почувствовал эрекции, и приятели «разошлись по домам». Через неделю Фролов согласился на

минет, «потому что находился в состоянии сильного алкогольного опьянения».

Новый год приятель тоже предложил провести вместе, говорится в материалах дела: «В эту ночь у них с ним произошел половой акт, а именно позиция [Фролова] в сексе была активна». Поутру в бытовку зашли двое незнакомцев, которые увидели голых мужчин на кровати и избили их.

Ночь убийства в материалах дела описана следующим образом: вечером 7 февраля Эдуард Жданов снова зашел за молодым человеком в общежитие, они взяли с собой две бутылки спирта и пошли в бытовку. Там Жданов уселся на кровати, включил телевизор, стал разводить спирт и заваривать лапшу для закуски.

«Они сидели рядом и распивали, разговаривали, смотрели телевизор, и Жданов предложил заняться интимной близостью, то есть использовать его в качестве девушки. На что он согласился, но ничего не вышло», — сказано в показаниях Антона Фролова. Тогда Жданов предложил сделать ему минет, после которого молодой человек засобирался домой. Однако приятель не захотел его отпускать, схватил за руку и, как сказано в материалах дела, «предложил, что вставит ему свой половой член в анальное отверстие, то есть он будет пассивом».

Когда Фролов категорически отказался, Жданов «взбесился, стал агрессивным», завалил своего друга грудью на стол, «пытался снять штаны с него и при этом орал "давай туда-сюда"». Именно в этот момент, согласно показаниям обвиняемого, он испугался и

нащупал на столе нож. Заметивший это Жданов отпрянул, а юноша резко обернулся и два раза ударил его ножом «выше живота». Вышел из бытовки, перелез через забор и убежал, выбросив нож в сугроб. Орудие преступления следствие так и не нашло.

Чистосердечное признание Антон Фролов подписал в день задержания. Через несколько месяцев он рассказал, что оговорил себя, а все приведенные выше подробности его взаимоотношений с Эдуардом Ждановым и детали убийства были выдуманы оперативниками.

Пытки подозреваемого. «Зачем ты его убил?»

Сейчас Антон Фролов на свободе. Это невысокий щуплый юноша с рыжиной в светлых волосах. Он вспоминает, что в день задержания полицейские увезли его обманом — под предлогом допроса по делу о краже инструментов, по которому Фролов проходил свидетелем, уговорили поехать межмуниципальное управление МВД «Иркутское» (улица Декабрьских событий, 23).

«Меня завели [в кабинет], стали расспрашивать за Жданова Эдуарда, знаю, не знаю, и резко потом изменили тон и просто спросили: "Зачем ты его убил?". Ну я, естественно, я его не убивал, начать говорить, быть такого не может, позавчера видел его живого. Ну и они давай применять силу», — рассказывает Антон и уточняет: «Избивали так, чтобы не было синяков, потому что хотели меня закрыть в СИЗО».

По словам Фролова, били его оперативники Александр Кривошеин и Максим Круговой, иногда в кабинет заходил подполковник Сергей Тарасов — начальник отделения по раскрытию тяжких преступлений по Правобережному округу Иркутска — и угрожал, что юношу в любом случае «закроют» в СИЗО, а там либо убьют, либо изнасилуют.

«Кривошеин вообще грозился мне милицейскую дубинку в задний проход или обоссать, — вспоминает Фролов. — Еще вот эта вот гиря была, прикованная к костылю. Мне руки назад за голову закидывали, надевали наручники и посередине наручников вот эту гирю подвешивали и заставляли приседать».

Кабинет № 405 А, в котором пытали Антона Фролова и его брата Сергея Стручинского. Фото из материалов дела

К вечеру он сдался и написал чистосердечное признание — оперативники по очереди придумывали подробности его интимной жизни с погибшим, говорит Фролов, а он записывал их под диктовку.

«Я несколько раз пытался в СИЗО идти по 51-й [статье Конституции]. То есть отказ от дачи показаний, но у меня ничего не получалось, потому что и там находились люди, которые были на стороне оперативников. Меня и там доставали они через другие руки. Через определенные камеры. Меня туда на ночь закидывали и, как получается, ничего не оставалось, чтобы остаться в живых, как дальше продолжать на себя наговаривать», — констатирует Фролов.

Мать погибшего Галина Жданова замечает, что за год в деле сменилось 12 следователей и пять руководителей следственного отдела по Куйбышевскому району Иркутска. В какой-то момент, вспоминает Антон Фролов, очередная следовательница сказала, что если он продолжит настаивать на своей невинности, то «еще полтора года просидит в СИЗО» и «мало ли что там может случиться». Он снова подписал признание.

В январе 2016 года ему смягчили обвинение, переквалифицировав убийство на превышение пределов необходимой обороны (часть 1 статьи 108 УК). Антон Фролов вышел из СИЗО под подписку о невыезде, через десять месяцев Куйбышевский районный суд приговорил его к 1 году и 10 месяцам ограничения свободы — впрочем, Фролов сразу же попал под амнистию и был освобожден от уголовной ответственности.

После вынесения этого приговора судья Нина Полканова ушла на пенсию, говорит Галина Жданова (судя по сайту суда, последнее решение Полканова вынесла в декабре 2016-го). «Если бы у них была

малейшая зацепка к Фролову, что он виноват, они бы в жизни его не выпустили», — считает Жданова. Она уверена, что Фролов невиновен, а настоящий убийца ее сына до сих пор на свободе.

Мать в поисках убийцы. «Ему щелкни, он упадет»

67-летняя Галина Жданова работает продавщицей в хлебном ларьке и все свободное время посвящает связанным с убийством ее сына уголовным делам. Энергичная и уверенная в себе Галина не верит ни в то, что ее сын был геем, ни в то, что его мог убить Антон Фролов. «Ну какой он там убийца. Ему щелкни, он упадет», — говорит она. По словам Ждановой, Эдуард сблизился с Фроловым на почве общей любви к выпивке.

Мать уверена, что знает имя настоящего убийцы сына. По словам Галины Ждановой, его мог зарезать Евгений Коновалов, живущий вместе с ее племянницей Натальей Ждановой.

Бытовка Эдуарда стояла на одном участке с домом, в котором живут брат его матери Андрей Жданов с дочерью Натальей, ее молодой человек Коновалов и их дети. Сама земля, по словам Галины Ждановой, принадлежит ей. Она считает, что причиной конфликта стал туберкулез Эдуарда, которым тот заразился на зоне — Коновалов не желал делить участок с больным человеком.

В правдивости этой версии, говорит Жданова, ее убедили три не связанные друг с другом

ясновидящие, каждая из которых указала на Коновалова как на убийцу и рассказала, что тот связан с силовиками.

31-летний автослесарь Коновалов тоже судим, еще несовершеннолетним он попал в воспитательную колонию по делу о грабеже и убийстве при превышении необходимой самообороны. Он настаивает, что отношения с соседом у него были нормальные, хотя и признался на допросе, что избил Эдуарда Жданова примерно за месяц до его гибели. В протоколе допроса Коновалова говорится, что он несколько раз ударил Жданова 1 января, когда зашел в бытовку и увидел его и Фролова голыми в одной постели — «чтобы больше такого не было». При этом Коновалову «было все равно, с кем он встречался».

Живущая с ним Наталья Жданова рассказала следователю, что за несколько лет до этого Евгений выгнал Эдуарда из дома. Ее отец Андрей Жданов 7 февраля — в этот день, по версии следствия, был убит Эдуард — звонил еще одной своей сестре, Татьяне Смоляниновой, и просил ее мужа подъехать, потому что «Эдик занимался с мальчиками непонятно чем» и с ним надо поговорить «по-мужски». По словам Татьяны, ее муж никуда не поехал. Сам Жданов, работающий бульдозеристом, вспоминал на допросе, что звонил с этой просьбой не раз — хотел обсудить дальнейшее проживание Эдуарда на участке, а также рассказывал родным о его «мужеложестве».

Усилиями Галины Ждановой дело об убийстве ее сына дважды возвращали на доследование — не поверив следствию, она даже наняла подозреваемому и его родным адвокатов. Мать указывает на явные

несоответствия в деле: к примеру, она нашла мертвого сына лежащим на кровати, одна нога была согнута в колене, другая вытянута. Тогда как в признании Антона Фролова говорится, что уже раненый Жданов сел на кровать, Фролов толкнул его в плечо, «чтобы не мешал пройти», перешагнул через ноги и убежал.

Бытовка, в которой убили Эдуарда Жданова. Фото из материалов дела

Это противоречие следствие исправило лишь через год, когда вновь согласившийся на признание вины Фролов изменил показания, уточнив, что раненый лег с ногами на кровать. Впрочем, это утверждение не вполне соотносится с результатами судмедэкспертизы, показавшей, что после ранения Жданов «весьма маловероятно» мог совершать подобные активные действия.

«На фотографии-то видно, что он спит лежа, — замечает Галина Жданова. — Видно же, что человек сонный, нога присогнута, положение свободное. И так же в экспертизе — [Фролов] говорит, что [Эдуард] схватился за рану, прикрыл рану рукой, но на экспертизе-то видно, даже на фотографии — на руке нет крови. По майке-то кровь не потекла вниз, а она кругом, вокруг раны эта кровь. Он как лежал, так кровь и растеклась». Снимки есть в материалах дела, но «Медиазона» не публикует фотографии трупа, чтобы лишний раз не травмировать читателей.

В написанном Фроловым признании утверждается, что убийство он совершил в ночь с 7 на 8 февраля. При этом мнения исследовавших труп экспертов о времени гибели Жданова разнятся:

первоначально судмедэкспертиза пришла к выводу, что он скончался между утром 5 и утром 7 февраля; следователь назначил дополнительную экспертизу, которая через полгода показала, что установить время смерти невозможно; наконец, еще через три месяца комиссионная экспертиза решила, что Жданов скончался не позднее утра 8 февраля.

Евгений Коновалов, которого Галина Жданова считает реальным убийцей сына, на допросе говорил, что 7 и 8 февраля провел в доме своих братьев и сестры в поселке Копай — это предместье Иркутска, расположенное в паре километров от участка на улице Баррикад, на котором стояла бытовка Эдуарда. Родственники подтвердили, что они вместе выпивали в тот вечер.

Галина Жданова обращает внимание на детализацию соединений номера Коновалова, которая показывает, что оба дня его мобильный телефон подключался к базовым станциям, которые гораздо ближе к месту убийства, чем к дому его родственников.

Убийство Эдуарда Жданова, по версии следствия, было совершено в ночь с 7 на 8 февраля. Судя по данным биллинга, поздним вечером 7 февраля телефон Коновалова дважды подключался к двум станциям возле участка на улице Баррикад, затем всю ночь соединений не было, и с 11 утра до 20 вечера 8 февраля он попеременно был подключен к четырем разным базовым станциям неподалеку — и только после этого появляются соединения через антенны, расположенные ближе к дому родных Евгения Коновалова.

Пытки свидетеля. «Сереженька, чаек-то будешь пить?»

Вскоре после задержания Антона Фролова следствие допросило его сводных брата и сестру — 34-летнего Сергея Стручинского и 21-летнюю Марину Усимову, все трое в то время жили вместе. Поначалу они рассказали, что вечером 7 февраля к ним в окно общежития постучался мужчина бурятской внешности, позже они опознали его как Эдуарда Жданова. Он попросил позвать Антона, который ушел вместе с этим мужчиной.

Через несколько месяцев брат и сестра решили уточнить, что на самом деле видели, как Жданов заходил за Фроловым в другой день, а в ночь с 7 на 8 февраля брат ночевал дома. 15 сентября 2015 года они приехали с адвокатом к следователю Владимиру Дыленову из следственного отдела по Куйбышевскому району Иркутска и изменили свои показания.

Утром следующего дня Сергей Стручинский собирался на работу — он занимался внутренней отделкой квартир. В дверь постучали. На пороге, позже вспоминал Стручинский в своих показаниях, оказались двое в штатском. Они представились оперативниками уголовного розыска и сказали, что он должен проехать с ними в отдел для опроса. Стручинский возражал: повестки он не получал, ему нужно ехать на объект, куда рабочие должны привезти и установить кухонный гарнитур.

Сотрудники полиции — позже выяснится, что это были Александр Кривошеин и Максим Круговой, о насилии со стороны которых рассказывал Антон Фролов — все-таки уговорили свидетеля поехать с ними. Его отвезли все в то же межмуниципальное управление МВД на улице Декабрьских событий, 23 и завели в тот же кабинет № 405 А, где восемь месяцев назад допрашивали его сводного брата.

За столом в кабинете был все тот же подполковник Сергей Тарасов — высокий и сухощавый мужчина с седыми волосами. В углу сидел оперативник Дмитрий Ремизов, он служил в этом отделе всего месяц и был занят бумажной работой.

Как вспоминал Стручинский, полицейские усадили его посреди кабинета на стул без спинки и на колесиках, после чего стали спрашивать, почему он изменил показания и откуда у него деньги на адвоката. Когда свидетель сказал, что это было его самостоятельное решение, Тарасов отвесил ему несколько пощечин.

Опер Александр Кривошеин ударил его ногой в спину. Когда свидетель упал на пол, полицейский стал пинать его, приговаривая, что «здесь и не такие раскалывались». «Потом Саша наступил мне на голень левой ноги всем своим весом и стал на ней топтаться, качаться. Я испытывал жуткую физическую боль, кричал», — вспоминал Стручинский. Оперативник начал колотить его дубинкой, разбил затылок и кричал, что изнасиловал его этой же дубинкой. Лежащего пинал еще один человек, но его лица потерпевший уже не видел.

Сергей Тарасов (слева), Максим Круговой (в центре) и Александр Кривошеин. Фото предоставил Захар Сарапулов

Избиение длилось 10–15 минут, вспоминал Стручинский, затем его подняли и посадили на стул. Из разбитой головы на пол и одежду капала кровь. Один из полицейских разозлился — утром в кабинете было чисто, а Стручинский все запачкал. Кто-то бросил ему под ноги тряпку и приказал вытереть пол. После этого, вспоминал потерпевший, ему велели умыться в туалете, который находился в конце коридора.

Когда он вернулся, подполковник Тарасов спросил, готов ли он дать «первоначальные» показания. Свидетель согласился снова поговорить со следователем, но прежде попросил отвезти его на работу, чтобы отдать ключи от квартиры напарнику. Оперативники согласились. Там Стручинский рассказал своему приятелю Степану Захарову, что его избивают полицейские, показал разбитую голову и опухшие конечности.

Свидетеля вернули в отдел, где его уже ждал следователь Дыленов. Но Стручинский сказал, что не хочет давать никаких показаний в отсутствие адвоката, и следователь отменил допрос. Стручинского, вспоминал он, оперативники снова завели в кабинет № 405 А.

Было около трех часов дня, к этому времени в управление МВД привезли и его сестру Марину Усимову. Она вспоминает, что подполковник Тарасов тоже расспрашивал ее об измененных показаниях и,

когда она стала настаивать на своей версии, спросил: «Может, тебя пару раз подкинуть?». В итоге Усимова сдалась и, судя по протоколу допроса следователя Дыленова, вернулась к первоначальным показаниям.

Одновременно в кабинете № 405 А полицейские жаловались друг другу, что из-за задержавшего их Стручинского не успели поехать на Байкал ловить омуля, вспоминал сам потерпевший. Избиения продолжились.

«Когда я сидела у следователя в соседнем кабинете, я слышала крики "помогите", "спасите". Отчетливо было слышно глухие удары. Голос было слышно отчетливо. Когда мы начали со следователем спрашивать, что у вас там за стенкой происходит, нам ответили, что здесь у наркомана ломка», — рассказывает Усимова.

Ее брат Стручинский вспоминал, что в это время оперативник Кривошеин топтал его спину, угрожал «обоссать» и сломал об него подлокотник кресла. От удара креслом потерпевший снова упал на колени, а опер Кривошеин налил в кружку из чайника кипятка и стал лить ему на голову, приговаривая: «Сереженька, чаек-то будешь пить, тебе с сахаром или без?». Когда тот стряхнул горячую воду руками, полицейский набрал второй стакан кипятка и снова вылил на голову.

После этого, рассказывал пострадавший, оперативник Максим Круговой надел ему на голову розовый полиэтиленовый пакет, а Александр Кривошеин застегнул ему за спиной наручники. Удар в солнечное сплетение — Стручинский стал

хватать воздух ртом, но не мог вдохнуть из-за пакета, залепившего рот. Он сумел порвать пакет. «Тогда мне на голову надели второй пакет, уже желтого цвета. И, насколько помню, я снова порвал пакет», — рассказывал Стручинский.

С него сняли наручники и продолжили избивать: «Я лежал и защищался всем, чем мог. Все это время я кричал очень громко и звал на помощь, и кто-то стал стучать в дверь». Как вспоминал Стручинский, сотрудники тут же отбежали от него, сели за свои столы и только после этого открыли электронный замок при помощи кнопки. В кабинет заглянул грузный полицейский и спросил, что здесь происходит. Оперативники быстро ответили: «Он сам орет». И полицейский, вероятно, удовлетворившись таким ответом, закрыл за собой дверь.

Около девяти часов вечера так и не согласившегося изменить показания Стручинского увез из отдела молодой оперативник Дмитрий Ремизов. Пострадавший вспоминал, как на прощание опер Кривошеин сказал, что знает, где живут его подруга и ребенок, а подполковник Тарасов заметил, что у него «длинные щупальца», а брат свидетеля Антон Фролов сидит в СИЗО и может стать «дырявым» — подвергнуться изнасилованию.

Из дома Сергей Стручинский сразу поехал в травмпункт иркутской городской клинической больницы №3, где ему диагностировали закрытый перелом левой голени, многочисленные кровоподтеки и ссадины на теле и голове. Врачи наложили гипс. Вернувшись домой, Сергей позвонил

в полицию и рассказал, что его избили оперативники МВД. Ночью к нему пришел участковый по фамилии Бодяк, который взял объяснение и заявление на полицейских.

В это же время к брату приехала Марина Усимова, которая тогда жила отдельно. Она вспоминает, что через 15 минут после своего ухода Бодяк постучал в окно и сказал, что ему нужна еще одна подпись. Марина отворила дверь и увидела на пороге не участкового, а подполковника Тарасова с еще одним полицейским. Он оттолкнул ее и прошел в квартиру, где в итоге просидел до утра. Сергей Стручинский рассказывал в своих показаниях, что Тарасов был пьян, возмущался его заявлением и отобрал телефон. Сам Сергей, по его словам, спрятался в кладовке и смог включить веб-камеру, без звука записавшую, как Тарасов сидит в кресле и разговаривает с его сестрой.

На следующий день, 17 сентября 2015-го, следственный отдел Кировского района управления СК по Иркутской области возбудил уголовное дело о превышении полицейскими полномочий с применением насилия и спецсредств (пункты «а» и «б» части 3 статьи 286 УК). Когда в этот день трое подозреваемых полицейских — Сергей Тарасов, Максим Круговой и Александр Кривошеин — пришли на работу, в отдел их уже не пустили, а кабинет опечатали. 18 сентября со всех троих взяли подписку о невыезде.

«Мы месяц не верили, что на троих сотрудников на следующий же день возбудили дело», — удивляется Галина Жданова.

Сергей Стручинский во время следственного эксперимента показывает, как полицейские пытали его в кабинете № 405 А в межмуниципальном управлении МВД «Иркутское». Фото из материалов дела

Смерть пострадавшего. «Носовая часть лица отсутствует»

Семь месяцев спустя, 2 апреля 2016 года, рыбаки нашли труп Сергея Стручинского в воде на берегу Ангары, в 300 метрах от Иннокентьевского моста на краю Иркутска. Судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что Стручинского жестоко избили, а затем задушили.

Уголовное дело об убийстве возбудил следственный отдел по Куйбышевскому району — тому самому, где расследовали убийство Эдуарда Жданова и где служили полицейские, которых обвинили в пытках покойный Сергей Стручинский и его брат Антон Фролов.

«Носовая часть лица полностью отсутствует. Полностью весь нос, который есть, от бровей и до самого конца носа. До хряща до этого, его просто нет. Там чисто просто одна голимая кость», — Марина Усимова описывает, как выглядел брат, когда его положили в гроб.

Стручинского похитили возле дома поздним вечером 1 апреля. «Он зашел в общежитие, не успел дойти до железных дверей, и его загрузили в машину, черную.

Утром только мы узнали, что он убитый», — говорит Марина.

Сама она похищения не видела, его свидетельницей стала соседка — при этом сейчас соседка переехала, а ее имени девушка не помнит. По словам Усимовой, и ей, и следователям та рассказала, что услышала крики, выбежала из подъезда, увидела отъезжающий автомобиль и даже запомнила его номер.

Следствие установило, что Сергея Стручинского, вероятно, увезли на джипе Nissan Patrol темного цвета. Автомобиль попал на записи нескольких видеокамер: с 18:30 до 23:27 он стоял перед домом похищенного, после чего за десять минут доехал до Ангары и в 23:38 попал на камеру неподалеку от Иннокентьевского моста. Там на следующий день рыбаки и обнаружили труп Стручинского.

Видео на YouTube

YouTube

Джип Nissan Patrol, на котором, как предполагает следствие, увезли похищенного Сергея Стручинского

@Медиазона

<https://youtu.be/2mTgL2zWR5g>

Джип Nissan Patrol, на котором, как предполагает следствие, увезли похищенного Сергея Стручинского. Еще засветло автомобиль подъезжает к дому потерпевшего, а поздно вечером уезжает. Видео предоставлено телеканалом «Дождь»

Жданова утверждает, что следствие выяснило: автомобиль зарегистрирован на мать оперативника Кривошеина, однако найти машину не могли больше месяца — она уверена, что за это время полицейские

могли уничтожить доказательства их причастности к похищению.

Более того, дело изначально расследовалось в Куйбышевском районе (потом его передали на областной уровень), а его оперативное сопровождение осуществляли коллеги троих полицейских — она связывает с этим обстоятельством отсутствие в деле видеозаписей самого момента похищения (по ее словам, они существовали, но были уничтожены).

Никаких обвинений в связи с похищением и убийством Сергея Стручинского причастным к его пыткам полицейским не предъявлялось. Подозреваемых в деле нет, а его расследование было приостановлено 2 февраля 2017 года.

Суд над полицейскими. «Получишь участь своего брата»

Марина Усимова и Антон Фролов вспоминают, что когда их брат еще был жив, обвиняемые полицейские предлагали сначала 200 тысяч рублей, чтобы он забрал свое заявление и отказался от претензий, а затем — миллион. По словам родных, Сергей Стручинский отказался, и тогда полицейские перешли к угрозам. «Говорили, если не заберешь заявление, вырежем всю твою семью, — утверждает Марина. — Ребенка пытались пригрозить, что тоже убьют».

Процесс над тремя уже бывшими сотрудниками полиции — из МВД их уволили в день возбуждения

уголовного дела — начался в апреле 2018 года в Кировском районном суде Иркутска. После убийства Сергея Стручинского статус потерпевшей по делу получила его сестра.

Марина Усимова говорит, что тоже опасалась за свою жизнь: «Я меняла номера. Сама пряталась, бегала по городу, как кошка с салом. То у подружек, то еще у кого-нибудь, то по деревушкам где-нибудь пряталась, скрывалась постоянно». Трех своих детей Усимова увезла в деревню к бабушке. По словам Антона Фролова, последний раз подполковник Тарасов угрожал ему после [интервью](#) телеканалу «Дождь» — подошел на улице и сказал: «Получишь участь своего брата».

Своей вины полицейские в суде не признали. Первоначально они говорили на допросах, что действительно пару раз ударили Стручинского, потому что тот вел себя буйно и матерился — позже все трое отказались от этих показаний, заявив, что дали их под давлением сотрудников отдела собственной безопасности МВД. По новой версии оперативников, которые доставляли Стручинского в отдел, он повредил ногу еще в подъезде своего дома — пол был весь в выбоинах, потерпевший оступился и упал.

Через два года после начала расследования в деле о пытках неожиданно появился свидетель Николенко, пенсионер МВД, который работал старшим оперативником в Куйбышевском районном отделе полиции — именно в этом районе расследовалось дело Фролова и нашли тело Стручинского. Экс-полицейский заявил, что вечером

16 сентября 2015 года был свидетелем драки Сергея Стручинского с наркозависимым Юрием Коробченко, известным по кличке Короб. К этому времени Коробченко уже скончался, допросить его следователи не смогли. В суд Николенко не явился.

«Они эту версию вписывали в обвинительное заключение своими показаниями и показаниями своих свидетелей, и мы эту версию разрушили этим видео, которое нарыли в материалах дела», — рассказывает правозащитник Святослав Хроменков.

В деле есть видеозапись из управления МВД, на которой видно, в каком состоянии Стручинского заводят в кабинет № 405 А — он идет на прямых ногах — и в каком состоянии он выходит оттуда в туалет — с трудом преодолевает несколько метров коридора, опираясь рукой на стену и припадая на левую ногу. На то же видео попали и другие полицейские, которые были вызваны в суд как свидетели и утверждали, что не видели в тот день Стручинского.

На одно из последних заседаний суда пришел оперативник Дмитрий Ремизов, который сидел в кабинете во время избиения потерпевшего и потом отвозил его домой. На следствии он говорил, что никто из его коллег Стручинского не избивал. В суде полицейский назвал свои слова «ошибкой» и, не припоминая деталей, рассказал, как оперативники надевали Стручинскому на голову пакеты и держали его в наручниках.

19 февраля председатель Кировского районного суда Наталья Биктимирова признала всех троих полицейских виновными и приговорила

оперативника Александра Кривошеина к 4 годам в колонии общего режима, его коллегу Максима Кругового — к 3,5 годам, а их начальника Сергея Тарасова — к 3 годам условно.

В случае подполковника Тарасова суд исключил из обвинения квалифицирующие признаки «группой лиц» и «с использованием специальных средств», а потому счел возможным назначить ему такое мягкое наказание. Всем троим также запретили в течение трех лет занимать государственные должности. Лишать экс-полицейских званий суд не стал.

По словам юриста Романа Калинина, представлявшего интересы потерпевших, поддержать коллег в суде пришлось немало полицейских. Юрист говорит, что они вели себя агрессивно и угрожали потерпевшим.

«А потом мы давали интервью телеканалу, и к нам подошел человек из их же круга, — говорит Калинин. — Он внимательно очень стоял рядом наблюдал, после чего сказал "Теперь ходите и оглядывайтесь по сторонам"».

Редактор: Егор Сковорода